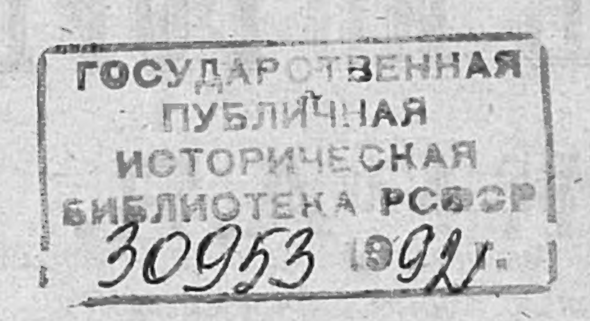
ИЗЪ ИСТОРІИ КРАЯ.

(Были ли введены въ Казани, послѣ ея взятія, губныя учрежденія).

КАЗАНЬ.
Типо-литографія В. М. Ключникова.
1899.

Дозв. цензурою Г. Казань, 7 декабря 1899 г.

ИЗЪ ИСТОРИИ КРАЯ.

(Были ли введены въ Казани, послѣ ея взятія губныя учрежденія?)

На поставленный въ заголовкѣ замѣтки вопросъ не найдемъ отвѣта въ литературѣ старой, да она и не задавалась имъ; новѣйшая мѣстно-историческая литература отвѣчаетъ на него утвердительно. Если не ошибаемся, первымъ высказалъ по этому предмету свое мнѣніе *о. Заринскій*, авторъ труда —„Очерки древней Казани“ (К. 1877 г.), въ которомъ на страницѣ 22-й онъ говоритъ такъ: „Для вершенія уголовныхъ дѣлъ были избраны изъ населенія особые *губные старосты*, которые вершили дѣла по особеннымъ губнымъ грамотамъ“, и дѣлаетъ ссылку—впрочемъ, невѣрную—на страницу 45-ю тома I „Русскихъ Достопамятностей“ (М. 1815 г.). Вслѣдъ за о. Заринскимъ, *г. Пинегинъ* въ изслѣдованіи—„Казань

въ ея прошломъ и настоящемъ" (СПБ. 1890 г.) еще болѣе раздвигаетъ рамки самоуправленія, которымъ пользовались жители новаго русскаго города: „На основаніи уставныхъ грамотъ Іоанна IV, который стремился сократить власть воеводъ и правительственныхъ судей, казанцы сами выбирали себѣ излюбленныхъ старостъ, присягавшихъ своимъ избирателямъ (?); а для разбирательства уголовныхъ или „разбойныхъ" дѣлъ избирали особыхъ губныхъ старостъ, которые имѣли право ловить, судить и казнить воровъ и разбойниковъ» [1]); другими словами, въ Казани XVI столѣтія нашла себѣ примѣненіе въ полномъ объемѣ земская реформа Іоанна Грознаго. Наконецъ, послѣднимъ, по времени, авторомъ, у котораго встрѣчаемъ свѣдѣнія объ учрежденіи въ Казани, послѣ ея покоренія, губного суда, является *проф. Н. П. Загоскинъ*: «Изъ Казанской писцовой книги второй половины XVI в.—замѣчаетъ онъ—мы узнаемъ, что въ Казани уже въ 60-хъ годахъ этого столѣтія введены были и такъ называемыя «губныя» учрежденія, съ ихъ губными старостами и цѣловальниками, т. е. выборны-

———

[1]) Op. cit., стр. 107.

ми органами для вѣданія высшаго уголовнаго суда» [2]).

Не смотря, однако, на авторитетъ почтенныхъ историковъ нашего города, сомнѣваемся, чтобы взглядъ ихъ относительно существованія губныхъ учрежденій въ XVI столѣтіи въ Казани былъ основанъ на какихъ-либо положительныхъ данныхъ.

Не довольствуясь содержаніемъ писцовой книги для описанія порядковъ, введенныхъ въ Казани завоевателями, о. Заринскій привлекъ въ помощь аналогію, чтобы пополнить въ этомъ описаніи тѣ пробѣлы и недостатки, которые замѣчались, по его мнѣнію, въ непосредственныхъ источникахъ. Благодаря только такому пріему онъ могъ сказать о введеніи въ Казани выборнаго управленія, подобно тому какъ при взятіи Полоцка тѣмъ же Іоанномъ IV было организовано въ немъ выборное управленіе изъ дворянъ и бурмистровъ, которые должны были «судить въ судебнѣ всякія дѣла" [3]). Но мало для подобнаго заключенія одного совпаденія фактовъ; не достаточно еще того, что взятія Казани и Полоцка отдѣ-

---

[2]) „Спутникъ по Казани". К. 1895 г. стр. 126

[3]) Заринскій, op. cit, стр. 23; ср. стр. 18

лены другъ отъ друга непродолжительнымъ временемъ, что совершены они однимъ и тѣмъ-же лицомъ; необходимо принять во вниманіе, для правильной оцѣнки того и другого событія и возможности проведенія между ними параллели,—условія, въ какихъ находились оба города до того момента, какъ сдѣлались добычей русскихъ. Полоцкъ, издревле русскій городъ, находясь подъ иноземнымъ владычествомъ, пользовался за это время устройствомъ, нѣсколько отличнымъ отъ устройства городовъ московскихъ; естественно, что съ переходомъ Полоцка обратно къ Россіи, въ интересахъ завоевателя было сохранить за нимъ тѣ преимущества, которыми онъ располагалъ раньше, такъ что выборный судъ изъ добрыхъ дворянъ и бурмистровъ былъ,въ сущности, не нововведеніемъ, свойственнымъ московскому режиму, а лишь сохраненіемъ стараго порядка.

Ничего подобнаго нельзя найти въ отношеніи Казани: завоевателямъ не приходилось здѣсь заботиться объ охраненіи старыхъ началъ; напротивъ, они подвергли все коренной ломкѣ, изгнавъ татаръ изъ прежняго мѣста ихъ жительства.

Такимъ образомъ внутренняя сторо-

на вопроса, столь различная въ обоихъ случаяхъ, не допускаетъ возможности установить тождественность между Казанью и Полоцкомъ въ разсматриваемомъ отношеніи.

Не иначе, какъ съ большою осторожностью, и не дѣлая уже никакихъ выводовъ, могъ, далѣе, о. Заринскій утверждать, что «тотчасъ же послѣ взятія Казани въ ней были устроены суды и всѣ иные порядки московскаго государства» [4]. Между тѣмъ, исходя, вѣроятно, изъ этой посылки, авторъ нѣсколько ниже заявляетъ объ избраніи населеніемъ губныхъ старостъ для вершенія дѣлъ по особымъ губнымъ грамотамъ; полагаемъ такъ на основаніи того соображенія, что въ подтвержденіе своего заявленія онъ ссылается на первую часть «Русскихъ Достопамятностей», гдѣ, какъ извѣстно, помѣщенъ губной бѣлозерскій наказъ 1571 года [5]; данныхъ же, указывающихъ на присутствіе губныхъ органовъ собственно *въ Казани*, въ сочиненіи о. Заринскаго не содержится.

Не удовлетворяетъ, по нашему мнѣнію, и аргументація г. Пине-

---

[4]) Ibid., стр. 22.

[5]) Стр. 151—165; также въ А. А. Э., т. I, № 281, стр. 316—320.

гиня. Авторъ совершенно вѣрно объясняетъ введеніе земской реформы въ половинѣ XVI вѣка стремленіемъ Іоанна IV уничтожить произволъ намѣстниковъ и другихъ правительственныхъ органовъ; но развѣ такое ограниченіе власти и даже самое упраздненіе ея и замѣна самоуправленіемъ могли имѣть себѣ мѣсто въ только что завоеванномъ краѣ, когда въ немъ еще долго вспыхивали возстанія противъ новаго владычества? Земская реформа Грознаго коснулась, главнымъ образомъ, центральныхъ областей государства, на окраинахъ же его, въ мѣстностяхъ пограничныхъ, продолжали дѣйствовать по прежнему правительственныя лица—намѣстники. Такимъ образомъ здѣсь, въ городахъ, отличающихся своимъ стратегическимъ положеніемъ, система управленія чрезъ намѣстниковъ и волостелей, бывшая господствовавшею на Руси до половины XVI вѣка, смѣнилась непосредственно системою управленія при помощи воеводъ, которая характеризуетъ мѣстную администрацію въ Москвѣ XVII столѣтія; въ областяхъ же и уѣздахъ средней Руси замѣчаемъ еще одно звено въ исторической послѣдовательности смѣнъ одной системы управленія другою: этимъ звеномъ служитъ система

управленія чрезъ посредство излюбленныхъ старостъ, головъ и цѣловальниковъ, явившаяся на смѣну системы управленія чрезъ намѣстниковъ и волостелей и, послѣ смутнаго времени, уступившая свое мѣсто системѣ управленія воеводскаго.

Казань, безъ сомнѣнія, принадлежала къ числу городовъ, имѣвшихъ очень большое стратегическое значеніе, почему трудно допустить, чтобы здѣсь власть намѣстника могла конкурировать съ властью излюбленнаго земскими людьми старосты; притомъ, замѣтимъ, что по реформѣ Іоанна IV власть излюбленныхъ людей *исключала* собою власть намѣстника или волостеля, послѣдніе вовсе сводились съ «кормленія», за что жители области должны были уплачивать спеціальный налогъ. Ничего подобнаго не наблюдается въ Казани, гдѣ самая община земскихъ людей только формировалась и была настолько еще слаба, что едва ли могла противодѣйствовать приказной власти. Напротивъ, именно на Казани мы можемъ видѣть примѣръ *непосредственной замѣны* власти намѣстничьей властью воеводской: покидая Казань, Іоаннъ Васильевичъ оставилъ въ ней *намѣстникомъ* князя Горбатаго-Шуйскаго, но уже въ 1555 году казанскимъ кра-

емъ управлялъ *воевода* князь Петръ Шуйскій.

Существованіе губныхъ старостъ въ Казани г. Пинегинымъ также ничѣмъ не подтверждается, даже какъ будто бы опровергается словами относительно должности лобнаго подъячаго: «Въ писцовой книгѣ—говоритъ г. Пинегинъ—записанъ на посадѣ дворъ лобнаго подъячаго; вѣроятно, этотъ подъячій принадлежалъ къ судебному персоналу Казани и вѣдалъ дѣлами о пыткахъ и казняхъ" [6]). Если въ Казани функціонировали губные старосты, то какимъ же образомъ „вѣдать дѣлами о пыткахъ и казняхъ" могъ лобный подъячій? Производство пытокъ, т. е. назначеніе ихъ и снятіе съ пытаемаго показаній, входило въ кругъ прямыхъ обязанностей губныхъ старостъ. Нѣтъ сомнѣнія, казанскій лобный подъячій имѣлъ отношеніе къ суду, принадлежалъ къ судебному персоналу, но не губному, который, насколько извѣстно, не имѣлъ въ своемъ составѣ лица съ наименованіемъ „лобный подъячій", а къ приказному.

Профессоръ Н. П. Загоскинъ, говоря о существованіи губныхъ учрежде-

———

[6]) «Казань въ ея прошломъ и настоящемъ», стр. 108.

ній въ Казани въ 60-хъ годахъ XVI вѣка, указываетъ источникъ, откуда могутъ быть почерпнуты свѣдѣнія объ этомъ предметѣ,—казанскую писцовую книгу 1566—1568 г.г. Но, насколько мы знаемъ, какъ извлеченіе изъ писцовой книги, сдѣланное профессоромъ Невоструевымъ и изданное Совѣтомъ казанской духовной академіи къ IV археологическому съѣзду [7]), такъ и подлинная книга, хранящаяся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, ни словомъ не упоминаютъ о губныхъ старостахъ или какихъ-либо другихъ лицахъ губного института. Нѣтъ никакихъ указаній относительно дѣятельности и даже самаго существованія губныхъ властей въ Казани и въ другихъ историческихъ памятникахъ и матеріалахъ, какъ опубликованныхъ уже, такъ еще заключающихся въ архивахъ, насколько мы знакомы съ послѣдними [8]). Единственный актъ, извѣстный намъ, въ которомъ содержатся данныя о губныхъ старостахъ въ „понизовыхъ городахъ",—есть „па-

[7]) „Списокъ съ писцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ". К. 1877 г.

[8]) Ср. Ретвихъ,—«Органы губного управленія въ XVI и XVII вв.»; «Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній", т. VI Спб. 1896 г., стр. 296, примѣчаніе.

мять" въ приказъ казанскаго дворца о высылкѣ въ Москву отставныхъ отъ службы „приказныхъ людей", среди которыхъ и упоминаются „губные старосты" [9]); однако, „память" составлена такъ кратко, что невозможно вывести заключенія, въ *какихъ* именно „понизовыхъ городахъ" были въ то время губные старосты, да и по времени своего происхожденія этотъ документъ относится уже ко второй половинѣ XVII вѣка,—онъ датированъ 12 сентября 1660 года.

Итакъ, *документальныхъ доказательствъ* существованія въ Казани органовъ губного суда не только въ XVI столѣтіи, о чемъ говорятъ цитированные выше авторы, но даже въ XVII вѣкѣ, когда губной институтъ получилъ вполнѣ приказный характеръ и распространился почти по всей территоріи государства,—такихъ доказательствъ не имѣется вовсе, и это отсутствіе ихъ не можетъ, думаемъ, не наводить на мысль, что *губныхъ властей не было въ Казани*, какъ не было ихъ, напримѣръ, въ сибирскихъ городахъ. Разумѣется, высказанное сейчасъ мнѣніе есть не бо-

[9]) Карновичъ, — „Собраніе узаконеній русскаго государства", т I Спб. 1875 г., № 232, стр. 509.

лѣе, какъ предположеніе, основанное на отрицаніи тѣхъ соображеній, по которымъ присутствіе въ Казани губныхъ органовъ признавалось; но предположеніе это имѣетъ, какъ кажется, свое raison d'être въ виду, во первыхъ, отсутствія въ источникахъ какихъ либо намековъ на дѣятельность органовъ губного суда въ Казани, а, во вторыхъ въ виду самаго положенія Казани и казанскаго края во второй половинѣ XVI вѣка, какъ области, недавно присоединенной къ московскому государству, находившейся еще въ полумирномъ, полувоенномъ состояніи и потому нуждавшейся для управленія въ власти болѣе сильной и самостоятельной, чѣмъ власть общегражданская, къ которой принадлежала власть лицъ губного института.

Б.